
МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ

**НЕГАСИМАЯ
СИЛА**

К У З Н И Ц А

Москва 11 1922

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ

**НЕГАСИМАЯ
СИЛА**

К У З Н И Ц А

Москва 11 1922

Р. Ц. (Москва). № 1390. 2,500 экз.

16-я тип. М. С. Н. Х. Трехпрудный, 9.

МИХАИЛ ГЕРАСИМОВ

НЕГАСИМАЯ
СИЛА

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
КУЗНИЦА
МОСКВА :: 1922

ПОЭМЫ 1921 ГОДА.

ТАИШТВО ПОСЕВА.

ТАИНСТВО ПОСЕВА.

Город,
Прочисть труб каменные уши
И таинство посева слушай.

Весна, весна,
Как страстно она во мне горит
Каждой веткой, каждой пушинкой.
Я чую ее огненной насадкой,—
Белое яйцо земли
Она согрела
Под красным крылом зари.
Лопаются скорлупа льдов
И тает в снежнице.
Тут и там
По полям
Проклевываются
Зеленые ресницы.

Я—пыльный мужик,

Но я сильно живу.
Я вижу вскрытые жилы,
В них вскипает
Черная кровь земли,
Кипит и лижет
Мой плуг, лапти
И вороные копыта
Под солнцем вешним
Над пашнею взрытой.
Ни коня вороного ни гривы
Не вижу над черною нивой.
За взмахом взмах.
Нас взмыла и движет
Незримая сила простая.
Мы плывем
Под вздутыми парусами рубах.
Плещут чернопенные
Гребни борозд.
Все растворилось,
Все растаяло—
Люди, скотина
Птичьи стаи.
И я упорно растаял
Над бездною черной,
Растекся на миллионы десятин
Темных как ночь.

В морщинах борозд и пылинках,
В нечислимых почках,
Былинках и зародышах—
Тайное зачатие сил во мне
И каждом камне.
Так ясно и просто.
Земляные лучи по венам струятся
И птицы поют во мне.
Пузырится черноземная пена,
А в ней
Осколки огней,
Искры и звезды—
Золотые зерна
Разбрызганной пшеницы и проса,—
Огненный дождь семян!
Я весь пронизан весенним светом
И соком солнца напоен.
Хрустя в зубастых кустах,
Тает снежная кутья,
И под гребнями борон
В черных бородах борозд.

По незримым дорогам
Радостно выходит один
И многие.
Единым взмахом

По всей России
И дальше, за океаны,
Разбрызгивают лианами рук
Миллионы золотых радуг
Со вспышками мускульной силы.
Капли пота и семян.
Звени и журчи,
Зерно за зерном,
Резче капай
С мозолистой лапы
Сгущенные лучи солнца!
А кони чешут и чешут
Стальными гребнями борон
Душистые пряди
Черноземных полос
И рыжесуглинковые косы.
В голубом
Дружным голубем плещет
Ворон зимнестужных дум.
Пульс солнца чаще, чаще,
Пьяны я и оно,
Из котловинной чаши
Пьем снежное вино.
Пронизана таинством величья
И журчаньем птичьих пений,
Купалась моя душа мужичья

В черноземной пене.
То к солнцу возносила сила,
То снежинкой таяла она,
То жеребенком резвилась
В черно-золотых волнах.

Город,
Открой ушей каменные зевы
И внемли тайнствам посева.

ТАИНСТВО ТРУДА.

ТАИНСТВО ТРУДА.

Бросьте отчаянье, бросьте!
Мне голос сталесвирельный
О бессмертии труда поет,
В трюме,
В тюрьме котельной,
Где огненная пасть гложет и жует
Черные кости.
А я целуя вороненую кожу
Чугунных ног,
Свое сердце ножовкой разрезал
И, разможась о станок,
Ржавой кровью облил железо.
И пока глаза не потухли
Тоской о тополевом поле,
Лопатой, примагниченной к мозолям,
Метнул в огнезубую пасть
Мозги свои, как желтые угли.
В невыразимом костре страданий
Дымом ильвите в высь,

Над каменными черепами зданий!
Негасимым факелом пылает мозг.
Живите, живите,
Без тюрем и розг живите!
Я в топке растаял,
Сгорел.
По дымогарным трубам вытек.
Всхлипнув,
Черными губами
Облегченно выдохнула
Большая труба меня.
Взвиваясь дымком голубым,
Я прилип
К журавлиному клину
Ускользящих в вечность птиц.
Причалил сталеякорный дух мой
Меня
К вешневспененному пуху
Перелетных станиц.
И вот тайком
Серебряной струйкой
Скользнул над тайгой,
Падучей звездой
Птицелетного дня.
Там, где над тундровой кожей
Вился,

Кудрявился снежный пушок
И не закатно катилось
Солица золотое яйцо,
Радостная радуга с силой
Ударила в лицо.
И вот без слез и отчаянья,
На кладбище льдов,
На плитах могильных молчаний
Я, ливнем зари облитый,
Прозрел
И разбрызнул
Заледенелые капли пота.
Над восковой позолотой,
В жилках застуженных вен
Сочится работа.
Благословен труд,
Вольный труд благословен!
Струитесь, токи сил и усилий!
Даже седые гагары,
Палимы полярным пожаром,
В снежном стойле,
Хлопотливо строили—
Гнезда вили.
Дни и ночи
Лучевые резцы точут
Из тысячей льдистых глыб,

Звездоглазых сфинксов.
Побеги лучей расцветают.
Я солнцемускульный, упругий,
Воздвиг в голубой пустыне
На полярном круге,
Сфинкса с фабричной трубой.
Ожили глыбы
Серебряных руд.
Благословен труд,
Вольный труд благословен!

Здесь, в пустыне голубой,
Тюрем и розг никто не знал,
И мозг никогда не вытекал
Дымогарной трубой.

ИЗ ИСТОРИИ СЛЯ

ИЗ ПОЭМЫ СИЛА.

Какая сила родит и движет,
Это железное кишенье?
Я вижу—
Растут горные цепи и звенья
В снежной степи,
Это черные пирамиды угля
Тянутся выше и выше
К неслышным звездам.
Земля дышит все порывистей и чаще;
Быстро пульсирует черная кровь ее
По темным венам воловьим,
Кипуче
Брызжет искрами
К морщинистым тучам
И в холщевый фартук зимы.
Где было бело и пусто —
Черная пена
И запекшиеся сгустки
Красной руды.

Гудки и сирены.
Чугунною поступью,
Опираясь на посохи труб,
Властно наступают на поля
Заводы.
То стремительно рвутся они
В напряженном, железном движении
Электрожилых мускулов,
И черная шерсть летит
В тихие заводы.
Трубы, трубы,
Армия труб в медной пыли...
И вдруг
От кургана Разина Степана
Стоверстный виадук
Вонзился в Жегули,
Повис над взволнованными хлебами.
Гульливых горленок
Разгоняют
Железные ястреба.
Там и тут
Сверхмагистрала
Электропоездами
Глодают и глодают дали.
Пожрали плетни, межи и заборы.
Проснулась Россия,

Россия просупула в вечность глаза.
Прокованы васильковые взоры,
Упорством и волей в них светит
Алмазная сталь.

Просяную
И ржаную кожу
Твою, Россия,
Творческой электродрожью
Прожгла индустрия.
Текут, текут.

Люди текут пестрядинные
По проселочным дорогам.
Не Китежеградного Бога
Ищут глаза голубиные.
Двигается сила слитная
На подвиги иные.

Притягивают города магнитные.
И огни золотые.

Довольно на солнышке ленивом
Сонной завалинки

Елейно мурлыкала солома
Ектиньи кутейные;

Свечечки маленькие

По селам, скитам и нивам
Потушили железные громы.

Если спросят:

Зачем движетесь
В заводские пасти ревущие?
Мы идем—стальные колосья
Срезать для грядущего.
Гусли радиострунные
Зовут и кличут нас
И вот—текем
Миллионы враз,
Как снопы златорунные
С невысохшими васильками глаз.
Может быть в неполевой работе
Сгорим на кострах дшей,
Быть может обмолят
На железном гумне.
Отцветет соломенный сад
И чугунные губы выпьют
Глаз голубое вино.
Свисти сентябрьский листопад
Над голубой глубиной!..

Весной так больно за всех,
Когда под нами
Пасти шахт черной слюной брызжут,
Обугливая побеги, зажатые камнями,
И на плечи, раненые кайлами,
Падает черный снег.

Он запустил твои ресницы,
Еще глубже запали глаза!
Под платочком голубенького ситца
Застыла черная слеза.

А солнце,
Солнце так радо, важно,
Но ласково щурится
Через голубые очки
На каменные ограды,
Где в потеках пота и сажи
Сгорают угольные зрачки.
Ты солнцу целовала бы ноги
Лишь бы не видеть как тени бредут,
И угольные пасты и берлоги
Изрыгают их и черную еду.
Ты расплеснулась бы
Солнечной лужицей
Перед каждым шахтером,
Лишь-бы невидеть как мальчик,
С помутневшим взором,
В тачковой упряжке кружится.
Весна, но как злобно
Железные зубы стучат
В заводском поселке,
Клубится дым, угарный чад
И как затравленные вьюгой волки

Машины воют и рычат.
Ты рада бы испуганно посторониться
От всего невесеннего, грубого,
И где-нибудь степью
Рассыпать смех.
Но хватают железные зубы,
А невзлетевшие ресницы
Засыпает черный снег.
Он всегда с нами,
Искрится и горит ночами
На теле, в крови,
Даже на белье постельном
И над разбитым горшком с геранью
Обсиженном сажей,
В лунном окне любви.

Не знали сладкого попота—
Любимый, любишь
И нежных касаний пальцев и губ
О грудь
И расплетенные косы.
Сжимал грубо, с топотом
Как на работе
Ладонями жестче кокса.
Птицами рвались из труб
Огненные тени,

Ночью весенней,
Над постелью черной,
Да кололи колени
Каменноугольные зерна.
Но были и осколкам любви рады,
Так жутко любить и дышать
На незатоптанном кургане угля,
Над верстовыми провалами шахт.
А рядом,
Из девственного чрева земли,
Тьму взрезая,
Вылетали и тухли
Ламп золотые глаза.
Опрокинула ночь незримая
Черную бездну и высоту.
Быть может была не та любимая,
Может быть сгоряча
Целовал не ту.
Захлестнули антрацитовые волны
Пылью и пылом глубинным,
И вот умирающая ночь не дышет.
Лишь вышла заря встречать
Не голубиную любовь на вышке.
В черном океане угля
Так было
Зачатие рабочего поэта.

Было ли здесь,
Или в чреве земли, в забойной,
Где давили тонны угля и тоски.
Только в жилах смесь
Крови и угля билась буйно
В поседевшие, двадцатилетние виски...

Я не нежный, не тепличный,
Не надо меня ласкать,
Родила на заводе зычном
Меня под машиною мать.
Пламень жгучий и хлесткий
Надо мной свисал.
Я электрическую соску
Губами жадно присосал.
В стальной колыбели качался,
Баюкал бодрый гудок,
У ног загорелых цлескался
Неугасающий грудок.
Динамо как волк над люлькой
Скалил огненный клык
Металл расплавленный булькал,
Клубился вой и рык.
Заматерелая ругань
Шестерен и валов.
В них звучал мне голос друга

И материнский зов.
Только люди в синем—
Сыном звали,
Я запомнил навеки ласковый лик,
Смеясь игрушки давали:
Цилиндры, шатун, маховик.
Играл стопудовым молотом,
На первом месяце зубы прорезал—
Было молоко матери желтым
От крови и железа.

Снова и снова
Нынче, как день вчерашний.
— Страшно, мама,
Мама, страшно!
От уханья и рева
Стекла в рамах тинькали.
Жилье взрагивало то и дело —
Было одно каменное тело
С корпусом завода.
— Не плачь, Минька,
Качай люльку с Петькой.
Глупый зайныка,
Тебе уж четыре года...
Мне надо бежать
Няньчиться с тачкой.
Не плачь, чижик!

Совала краюшку черствого хлеба.

— Мама, не надо качать тачку,

Петька кричит в качке!

— Знаю, вижу...

Не досказывала.

Лязгнув ржавыми зубами петель,

Дверь проглатывала мать.

Кто-то лохматый смело замазывал

Углем стекла.

Темнело.

Опять и опять мокло лицо,

Рубашенка мокла.

Меж труб звонко

Вспыхивал зеленый глаз,

На мохнато-дымчатой шкуре.

Другой был наверно зажмурен,

Его не видать.

Огненная змея в косматых клубках

Вылезла из труб.

Третья... пятая...

Одна другую проглатывая

Вперегонку рвались

Слопать зеленый глаз.

Гудит, гудит,

Шипит завод,

— Уйди, уйди,

Брысь!

От нас проклятая.
Кто-то ледяной водой
Поливал спину.
Чернели кирпичные стены,
Подземный паук заткал
Каменноугольной паутиной
Углы и люльку.
— Не кричи Петька!
Не кусай пальчики...
Скоро смена.
Завтра молочко забулькает,
Солнышко засветит,
На дворе по склянкам
Запрыгают зайчики...

На осветленное сознание
Легла трубы вечерней тень.
Кровавокаменные здания
Весенний провожали день.
Глаза ребенка цвета стали
Острием прорезал луч.
Носится искры в небе стали
И тухли в дымных кудрях туч,
Спадающих на плечи
Металломускульных труб.
Железным поцелуем вечер
Коснулся детских губ.

Ласточкою черный пламень
Чертил узоры в кирпичах,
Антрацитовый камень
Баюкал и качал.
Первый раз,
Трубы каменный хобот
Сдавил тоскою детские дни,
Первый раз,
Плеснули мысли горькой злобой
В директорские огни
И слезы брызнули из глаз.
За их окном—ласковая сказка,
Хрустали в зеркалах,
Цвели куличи, пасха
И дети нарядные, как куличи,
Это было в день Христа.
А я грыз уголь и кирпичи
У подножья каменного креста.
Вот почему в глазах ребенка
Не покорная печаль,
А жестко и звонко
Вызванивает сталь...

Кто видел на весенней проталинке
Зерна прораствание,
Под пашневыми пластами,
Где дымится солнечный пар?

Что лежало и гнило,
Набухло
Творческой силой
Лопается скорлупа,
Почка, футляр
И побегов зеленые руки бесстрашно
Разрывают тьму черной пашни.
Шахты, колодцы, штольни,
В них кто высверлил нас?
Сила каких молний
Метнула в глубь земную
Миллионы огненных зерен
Фонарей, сердец и глаз?
Вбрызнула в угольный ил,
Какой сеятель заборонил?
Лунный нож
И солнечная игла
Прокололи гранитную кожу.
Известковые тучи нависли
И разум в пыки,
Но пронизывают электромысли
Череп земли.
В забойной шахты,
Под камешной оболочкой
Вспыхнул фонарь—
Лопнула почка.
Мощно побеги лучей пробивают

Тьму, толщу
И черный перегар тления.
Электрожильный кабель
С хрустами, хрупками
Тащит железные гроба
С обугленными трунами.
В могиле глубокой я не остыну,
Раздвигаю горбом
Антрацитовые пласты,
Пробиваю киркою, лбом
И руками черными от напряжения.
Какая сила движет!
Прободаю лучами сознания
Прах.
Вижу:—
Миллионов рук прорастание
В глубинный мрак
Где под каждым крепьевым ребром
В невидимых жилках
Журчанье черных ручейков.
Плечи сочат серебро,
Звенят потовые капли,
А мы песни поем о весне,
В подземной тесне
Звени чудесней
Весть о весне.
Может быть задохнемся,

Умрем и сгнием,
Как зерна на пашне внешней,
Но счастливые песни поем,
Мечту качая в лучах.

А вверху
Огневые колосья цветут
В голубой прорастая песок,
Волнуются нивы
Солнечной пеной—
Наших мускулов
Выжатый сок...

Нам не тесно, не тесно
В кишках тысячеверстных штолен,
Где может также ночью чудесной
Обвевать ветерок, сочный и вольный,
Где сердце стучит слышнее
В пахучую тьму густую,
И гроздь глаз вишневеют
В черном кусту.
Трепетные шопоты
И лепет девических губ,
Под переключкой стрепетов
На темном лугу.
В своды перелесковые
Искрят костры
Хороводы лепестковые

Все ярче и чудесней.
Всем, всем
Серебряные песни
И вагонетки звонкокапельных поэм.
Если кому покажутся
Дали мглистыми,
И что он прикапканен
В кротовой норе,
Пусть вовзорится пристальной
В мелькающие созвездья фонарей.
Если в запалах динамитовых
Слышны взрывы
И кто-вскрикнул под грузом,
В звенящих сапах,
Это в тучах гранитовых
Взрывы июльской грозы,
А дождевой воздух запах
Спелым арбузом.
Так пахнут уголь глубинный
И крови капли
От рубцов рубиновых
Черных тел...

Люди ладана и воска
В мантильских кружевах,
Я в лоск ненавижу вас!
Но к чему слова?

И даже рык зверий.
Пламенные львы
Уже лижут ваш берег дальний,
Уютные виллы грызут и жуют.
Но к чему слова?
Видели-ли вы,
Как моя голова,
Кувалдой грузной,
Бьется о наковальню?
Обдавая соком арбузным
Чугунные ноги
И брызжет из глаз,
Желтыми искрами мозг.
Раз, два...
Два, раз!..
Головой железо мнут,
Отмеряя бесконечный бег минут.
И если она отвалится
Кровь зализывают огненные кобели
На чугунном блюде,
И вновь прикручивают
Кабелей электрожилы.
Вбивают в череп шипы и тернии
Закаленные.
По лицу сочится,
Течет.
Вечным пыткам счет

Ведет счетчик.
А вы шепчете: Отче,
Отче,
Что может быть краше этого мира!
Так умиленно и мило,
Вознося глаза
К звездным стропилам.
Люди ирисовые!
Ваши пальцы
Пахнут кипарисами,
Даже когда щелкаете
Четками черепов наших,
За вечерней,
В крови закатной.
А видели ли вы в прокатной
Гигантские вальцы?
Где стальными пальцами
Распяливают нашу кожу,
Калят до бела,
Или вишневого сока,
Дубят и прокатывают
На сафьянные туфли
Для бала.
А глаза тоски,
Пока не потухли —
Бирюза на пряжки
И на глазки.

СТЕШНЫЕ ДИССОНАНСЫ.

СТЕИНЫЕ ДИССОНАНСЫ.

Бродили озорные по Страстному,
А я голодным, беспризорным мулом,
Казались ненастными и хлесткими
Яркие дни голубые,
Грубо кололи глаза
Липовые лепестки
И бриллианты
Напудренных дам совбуров,
Их карминные губы
Горели острее
Вылинялых флагов.
Убежал с Тверской.
От угля и стали
На заводском костре
Посинела шкура —
Был оглушаем машинным гулом
И свистом Голутвинских мастерских;
Но заманили голубые дали
И вот—ползучим саксаулом
Душа проросла в сынучих песках.
Ползла на корточках
По дюнам,
У приаралья,
Кровавая пыль и солонцы,

Лишь юрты, да дымок луный
Указывали путь к солнцу.
У Актюбинска и Акбулака
Лавал я марево стеной,
Где солнце лаком не ласковым
Полировало полынь и лишай
Все жестче и нелепей.
Где солнце, ветер и верблюды
Вылизывали солонцы
И озер соляные блюда
Дымились в миражевом танце.
Песочный ветер пудрил солью
Шерсть верблюжьей и мою;
В какой арык, какие страны
Мечты и боль мои волью?
Но, вот я юный,
Смельчак и дерзкий,
Вдали от Тверской,
Воздвиг на дюнах
И соляных блюдах
Многогорбых,
Грозой громыхающих
Чугунных верблюдов.
Приползали и дивились твари—
Никогда не вылинивал
Карминный стяг зари.

СТАНОК.

СТАНОК.

Да, невозможное возможно,
Возможно невозможное,
Говорю я, рабочий,
Бронзовокожный
От закала.
Никогда не горюя,
Кровью своей зарю я наполнил
Когда она взалкала.
Нет было проще,
Ведь это не сонеты.
Вышел на площадь,
Конечно не Согласия
В Париже,
А ближе,
Ту, что звалась Россия;
А может шагнул на другую планету.
Ветер синюю блузу неба полощет,
Свет брызжет,

И какая сила!
Октябрь, а глаза слепило,
Словно в мае сверкало светило.
Вижу—вдали стоит махина,
Думаю: что за зданье?
Тянет запахом винным
Свежей мякины,
Или масла машинного.
Чьих это рук созданье?
Подхожу.
Вертится, крутится,
Железный кожух
Весь озарен.
Сверкают тугие круги шестерен,
Зубья и зубчики.
Может быть другим
Сквозь тучки кажется,
Что это звезд играют лучи и лучики.
Опять не просто,
Как будто собираюсь писать
Сонетов венки,
Что поэты узкие из млечности вьют.
Но я ведь хочу песню спеть простую.
А тут в вечности
Вижу трансмиссии без нагрузки,
В холостую

Вертятся шкивами планеты
За кругом круг.
А гигант световой
Это—мой чугунный друг,
Простой токарный станок,
Правда, не обычной силы.
— Милый, милый,
Как давно я тебя забросил!
Я думал, что твою грудь
И шлифованные оси
Изгрызла ржа,
А тут все блестит и горит.
Пожар зари
Обжег,
И кто-то,
Роняя капли пота,
Млечный путь перебросил
Приводным ремнем
И развесил фонари Стожар.
У станины закаленной
Горят опилки хрусталины,
Целые созвездья
Передо мной,
И лежит огромный шар
Зеленый,
Обвитый паутиной лианами.

Это—шар земной
Весь исчерченный меридианами,
Весь в малахитовой плесени,
Кое-где проросла трава.
И такой тусклый,
Что зудом налились мускулы.
Вспыхнув засучил рукава,
Запел рабочие песни,
Грубые и нежные,
Рассыпал слов колючие тернии.
Накренил
Накрененные полюса снежные,
Зажал ключом в станок,
В упор подвел супорт,
Включил.
От неслыханной нагрузки
Северным сиянием вспыхнул мотор.
Задрожали небесные стены узкие,
И целые мировые системы.
С шипеньем брызнули
Молниевые стружки,
Запламенели кометами,
Обжигая простор
Громовыми перезвонами,
Извиваясь, заплескали
Исполненскими знаменами.

Мы все можем,
Мы должны сметь,
Мускулы налиты верой!
Под резцом, солнечной радостью
Вспыхнуло золото и медь.
Срезал Ривьеру, Романтику;
Из Великого в Атлантику
Пробороздил второй Панамский канал;
Везувий дрогнул, упал.
Друг за дружкой
Стружкой стекали поля Шампанские
Гроздья винограда
Вспененно капали,
Под резцом сочилось
Из лоз и вен вино,
Как из гигантского точила.
Просто—еще усилие,
И мы отшлифуем тебя земля.
Вырвем везувийные гнойники,
Прыщи старого и наросты.
По невиданному плану
Я срезал целые горы,
Белые Монбланы
Стекали от упорного супорта.
Но дрогнули нервы
В тысяча девятьсот двадцать первом

Хруснул резец,
Осколком по пузу
Саданул кожу,
Окровавя неба синюю блузу.
И вот над опилковой позолотой
Капли пота и крови звездно горят,
Рана сочится и течет плачами,
А многим кажется, что это
Просто летом
Над галифейными дачами
Вечереет зари.

ПЕСНИ УТРЕННИХ ЗОПЪ.

ПЕСНЯ УТРЕННИХ ЗОРЬ.

Петушьи песни—
Утренние гудки над селом,
Зорька колышет
Розовым крылом.
Песнь от насеста
Ярка и остра,
Вспыхивает лепестками костра.
Плеснул петушиный смех
В соломенную бороду
Растрепанных застрех.
Бодрой улыбкой застряла
С золотой гребенкой заря,
Гордо петушьи песни горят.
Гудки поперебой говорят:
В снах не блуждай,
Пробуждайся, народ.
Солнце выходит из огненных ворот.

Гудит величавое мычанье
Под навесами соломенных колоколов,
Подойников журчанье,
Веплески голосов и слов.
Музыка доения,
Дождь молока—
Неумолкающее пение.
Ценятся облачные крынки.
Серебряный подойник облаков
Молочные капли звезд пролил...
И все кумачевей твоя косынка
Над темной юбкою земли.

Не тебя-ли ждал я, милая,
У заревешних ворот,
Пока ты огненными вилами
Вепарывала сумерек смуглый живот?
Не мои-ли слезы росой
Вылились из черной ночной головы,
А теперь, перед звонко поющей косою,
Радостно смеются под ногою босою
На зеленых ресницах травы.

Нахохлившийся рыдван проснулся,
Зевнул
И сочно расхохотался в рыжей пыли,

Где пестрыми букетами
Стада расцвели,
Где озеру раскосому
Лепечет влюбленно ручей;
Вызванивают косами,
Под золотыми смолянками лучей.
Искрится сила в непомерных взмахах.
Заря, косари
И солнце в красных рубахах.
А по кудрявым кустам спозаранок,
В посконной юбке невеста,
Хлюпко месит розовое тесто
Ноздреватого тумана.

Слышим утренние песни
И петушиные гудки над селом,
Где зорька колышет
Огненным крылом.

И П Р А Ж И Е Н А .

ЧЕРНАЯ ПЕНА.

Какая боль,
Какая боль!
Бульварным фонарем качается
Голова моя,
Зияя неостекленными ранами.
Я вижу ущербное солнце мая.
Тучами роящаяся
Белая моль туманов
Его источила,
Подлиняла позолота.
В подмосковные болота
Вытекла светлая сила.
Снегом осыпаются цветы лип
К мои ногам.
Истерично всхлипывают
Шины машин,
Их прободают ломовые рога.
Бесстрастным, полярным бураном

Снежно и жутко клубятся
На Страстном бульваре
Белые дамы и проститутки.
Белые в белом
И другие твари
Расфунтили душу и тело.
Врагов жеребиное ржанье
Мне нервы измяло и режет.
Флаги—облезли—

Пунцовое съели иней и ржа.
Укором звякают льдяшки шпор.
Изморозь в майской тени
Под москворецким мостом,
Там голодный
С лицом свинцовым
Дрожит опадающим лохматым кустом.
Из битых окон тянет норд-вестом.

Сумеречником выливаю в театр
Первый Р. С. Ф. С. Р.
Вздрагивает занавес
Увядшим парусом.
Фонарем вздергиваю голову
Над верхним ярусом,
Зорко вшиваюсь белками света.
Жутко следить

По следам проституток!
На галерке
Встаю на дыбы лучей—
В партере тоже нагромождены
Белые глыбы
Придворно совбурских дам
В переливных шелках.
А в ложах трофеи—
Увязли в сугробах
Кожаные галифе и значки.
Гляжу в оба,
Зрачки округлив,
Из-под ершистых бровей
Выбрызнув жгучие угли.
Кричу, синеглазый и грубый,
Зубами лязгнув
И током напряжив вепы:
Забинтуйте карминные губы,
Они, как язвы,
Пошло сочатся прошлым!
В утесах стульев и ребер
Черною пеной вскипает душа.
Разбейте сосульки бриллиантов в ушах!
Певцы труда и поэты
И ты, солнце.
Солнце из синего плеса

В медной пыли,
Где ты?
Задуши их огненными косами,
Яснозоркое,
Красной рудой опали!
Это я, синезлузник профсоюза,
Кричу с галерки,
И кто заглушит крик железный?
Электричество вздрагивает и тухнет,
Ухнув
Снежные глыбы партера
Проваливаются в черную бездну.
Но не тухнет
Нервов моих пожар.
Выскакиваю на бульвар
И опять ночью мая
Разбитым фонарем
Качается голова моя.
Жутко во тьме,
Рублями звенят поцелуи.
Льнет проститутка
Блудить с моей музой —
Днем она стучит на ундервуде
В Гувузе.
Тьма лижет глаза
Черным языком,

Но я и ночью вижу.
Люди, люди,
Опять проросло
Пошрое клеймо,
Выжженное прошлым
На лбах,
А рабочих поэтов распяли
На фонарных столбах!

ЧИЛИГА.

ЧИЛИГА.

За многодумной ригой,
Шурша осторожно,
Качалась колючей чилигой
Душа,
Купаясь в дорожной и тинной пыли,
Такая твердая,
Такая необласканная и дикая,
Что даже скотина колола морды.
Раз прохожие барышни
С кокетливыми глазками
И розами, дрожащими на щеках,
Шли мимо дорогой и рожью,
Чиликали
И смехом шелкали:
— Смотрите, чилига,
Немного похожа она
На мимозу,
Как полыхает цветенья
Маленький огонь!

Одна, срываю куст,
Занозила безмозольную ладонь.
Ушли с хрустом,
Неприлично ругая
Чилижный куст
И укус.
На заре пришла другая,
Фабричная,
Пела зычные песни.
— Чилига, ну что такая скучная,
Такая неприветливая и постная,
Только цветики пыльные,
Не с тех-ли пор
Тебе мир постыл,
Когда тобою на конюшнях
Девушек секли крепостных
И кровь ржавыми жилками
По коре застыла.
Ну ладно, будешь мне другом.
Шла босая росистым лугом,
Слушая благовест птичьего пенья,
И пальцами,
Закаленными о железо
Срезая веник.
Он стал нутром
Другом фабричной.

Каждое утро,
Когда даже зычные гудки труда
Еще по воздуху алому не хлопали,
Ласково сжимала его,
И он скоро гнал по полю пола
Маленькие стада
Сора и бумажек.
А заутренний гудок ближний
Всем кричал в уши:
Имейте веник чилижный,—
Чистить бумажные души!

УЧУЧЕНЕЛО.

ЧУЧЕЛО.

Косое в плечах
Трепыхалось лохматое чучело на бах-
чах.

Птицей былинного поверья
Волоча по земле всклокоченные перья.
В ненастье и ведро,
Походкой нетвердой,
На одной ноге,
Прикованное,
Устало шагало в даль.

В тучах ухало,
Ухало на земле,
Вспугнутое, на пугало
Садилось воронье.
Грозовые тучи
Мучили чучело.
Под зловещими зарницами,

Нагруженное черными птицами дум,
Испуганное пугало
Вкось рвалось.

В бурю, когда тучи
Грозой пучило
И покальвало огненное жало,
Чучело было не страшно,
А жалко над пашней.
Привыкли твари.
В бурю пугало также дрожало
Осенним листом,
На горизонте зарев
Маяча черным крестом.

Трепыхался оратор на трибуне,
Над плешинами арбузных голов,
Они стабунились
И глотали лохмотья слов.
Слушали, но души дремали.
Баржей покачивалось
В дымных волнах зало,
Нагруженное тушами,
Те, кому голодом
Животы не вспучило,
Смеялись:—Смотрите, смотрите,

Какое глупое чучело!

В бурю лохмотья метались
Над далью,
Как прикованные птицы.
Поскрипывали деревянные ключицы.
Гром и стук,
Тысячи рук
Молитвенно к небу воздеты,
Черною пеной векишают лохмотья,
Как душа поэта.
Никло чучело ниц
В безысходном горе—
Кто-то выколол
Соломенные глаза,
А внизу бушевало
Черноземное море,
И вверху громыхали
Телами туч
Нагруженные воза.

Но были и светлые дни.
Дни птичьего пенья,
Когда солнце горит и не стынет,
Арбузы и дыни
Зажигали огни,

Огни своего цветенья.
Июньские ночи
Не знают ненастья,
Чужда им немочь и вьюга,
Во все безгрозное небо
Зори розовые руки
Протягивают друг к другу.
Дыни горят
Каплями застывших слез,
Золотых слез счастья,—
Их накапала утренняя заря.
Плети ползут по земле,
Они плывут
По лиловым волнам борозд,
Гребут веслами лапчатых листьев
Через камни
В палевую даль.
С деревьев свисают
Черные гроздья дроздов
Зовет их завязь—
Зеленые бомбочки
С разорвавшимся цветом
Застывшего пламени.

Стремглавый вихрь
Из далей,

Клыки оскалив,
Рвал смело
Истощенное голодом
Лохматое тело.
Сочились соломенные раны,
Сукровицей зари
Истекая в белые дали.
Зимние бураны
Снежную солью поят.
Дни и ночи
На забытых бахчах
Черным волченком
Стонет и бьется
Лохматая душа моя.

Мне странно видеть странников,
Что выстроились в ряд,
Подсолнухов избранников
Их нимбы и наряд,
Их пламень златолиственный
Над золотом голов,
Пред литургией истины
Без музыки и слов.
Торжественность не мучила
В сердцах огонь горит,
И в черной ризе чучело

Пред алтарем зари.
Неслышно плачут стаи,
Ни возгласов, ни пеней—
Лишь из кадилыниц вылетают
Пламенные птицы цветений.

Косое в плечах,
Трепыхалось лохматое чучело на
бахчах,

Над далью полей
И в саду души моей.
Птицей былинного поверья,
Волоча по мозгам
Всклокоченные перья.
В ненастье и ведро
Походкой нетвердой
На одной ноге,
Прикованное,
Под ритм и перебои пульса
Устало шагало в даль.

L. E. O. F.

ГОЛОД.

Солнце в лишаях и сыпи
Льет огненный гной на полосы,
Последнюю слезинку выпило
Из золотого кубка—колоса.
От нив беззерных и спаленных
Пустою шелухой брэнча,
С саблями оголенными
Неистовствует саранча,
Копытцами подкованными
Вытаптывают по полям
Колосков тельца бескровные
Рассеченные пополам.
Над полем чистым
В глазах мужичьих не миражут
Ризы с золотыми крестцами,
Лишь рыжие суслики
С разбойным свистом
Колосковые горла режут
Ножевыми резцами.

Хлеба, хлеба!
Это небо воет,
Или под окнами крик ребят?
Стебельная шея покачивает головою,
А зубы солому теребят.
Обезумевшие хаты пучат зенки
Зрачками стекол вытекших в мрак,
А дети ползают
От стенки к стенке,
Пока ветер не свалит под овраг.
Там высасывают истощенную кожу
Роящиеся слепни,
А они
Даже не живыми зубами гложут
Камни и пни.
Хлеба, хлеба!
Над селами скрипуче пели
Скворешенные головы на пиках,
Дико высовывая языки
Пакли и кудели.

Поезда людские гроздья
Нижут и нижут,
Гробами вагонов заграждая уста,
А колеса месят кровавую жижу
Упавших на рельсовую сталь.

Фургоны, телеги, рыдваны
Катафалками маячут по полосам,
А ветер, рыдая, крепом рваным,
Тушит траурные голоса.
Отчаяньем скорбь не мерьте,
Под эти стоны бежать и жить!
Это—караваны смерти,
Измеряющие борозды и межи.

Какими морями великими слез
Мне скорбь вырыдать,
И руками каких ураганов
Горе вырвать
У этих растерзанных
Мучительными криками
Хлеба, хлеба!
Зло высасывая кровь
У детей и злаков, как Ироды,
Ползали тучи
Тучными пауками
По синим тенетам неба.
Засуха, сколько слизала жизнью
Больших и малых
И как лимоны выжимала
Сады голов,
Но ни одной капельки жизни

Не брызнет
На всходы, побеги садов,
В миллионы жаждущих ртов
И на ребра раскрытых стропил домов.

Солнце гигантской коброй
Тысячежальное жалит каждый день,
Россия, прободенные ребра
Твоих деревень.
А ты плачешь горьким молочаем
Над обугленным ликом сел
И полей,
Тела бадей матерински качаешь
На виселицах колодезных журавлей.
Страдая,
Тощие стада
Стропила ребер носят
Под облезлыми крышами кожи,
Пока вихрь не скосит
И песочные зубы не изгложут.
Изорванными косяками птицы
Прощальными криками плещут,
Отлетая все порывистой и резче
Как обрывки траурной плащаницы
Над гробом Поволжья трепещут
Все дальше и незаметней,

Какая боль сквозит
В отлете летнем!
Где раньше снопы золотели,
Теперь на нивах безумных
За трупом труп тлеет
И вместо хлеба
На мертвых гумнах
Скирды человеческих тел.
Лишь вихри
Мечутся лихо всюду,
Вздымая шлейфы пыли
По полям и селам,
Со свистом веселым,
Это—танцующий голод—
Иуда,
Жутко целует
Обгорелое тело
Земли голой
И язвы пустоцветов.
Но я верю—новым летом,
Рядами тесными,
В голод вонзая зубы железные,
С победной песней
Воскреснем!

ЖЕЛЕЗНЫЙ ХЛЕБ.

Стремлюсь и рвусь душой кричащей,
С озер соломенных, туда,
Где глыбами под синей чашей
Цветет железная руда.
И там над неживыми кущами
Склоню спаленное лицо,
А май ладонями цветущими
Плеснет железною пылью.
Слепит глаза ее блистание,
И сладко мне до жгучей боли,
Ее глубокое вращение
В мои цветущие мозоли.
Развейтесь лепестки, сгоревшие
В биениях сердца и руды.
Как сладко, под рукой созревшие
Кайлом откалывать плоды.
А после в дымной домне тесной,
Не хмелевыми лепестками,
Чугунное заквасить тесто
Непросыхавшими слезами.
В вагранке, пламенем поющей,
Железные хлебы печь,
Пока ключами сила бьющая
Сочась не вытечет из плеч.

Вскиньте над весенней синью
Ресницы к солнцу, кто не слеп,—
Не будет горькою полынью
Слезами просоленный хлеб.

П О Г О С Т.

Опять так радостно и просто
Звенит ручейковое пение,
У талых комьев погоста
Проросла крупка весенняя.
Чьи это слезы—накапаны—
Белый и золотой сок—
Травка пушистыми лапками
Смахивает с холмиковых щек?
Раскрыленные березы
Чистят зеленый пушок
И метелицы снежные слезы
Над моей неусопшей душой.
Сердце—комочком глины
У того креста дрожало,
Всю зиму длинную
Пронзенное льдинковым жалом.
Как слезинки, птицы капают.
С неба синеглазаго
Светлыми вереницами

Над перелесковыми ресницами.
Так радостно и ясно!
Даже кресты на кладбище этом
Раскинули руки красные,
Налитые солнечным светом.
Только вдали,
На яровой пашне весенней,
Такая чернота,
Что золотые свечи цветений
Затеplил чернотал.

МИМОЗА.

В ее пыльце сверкает радость,
Лучи в ресницах густых,—
Люблю над каменной оградой
Мимозовые кусты.
Люблю ее не за лепеты,
Нежную, нерезкую—
Так близка мне и трепетна
Листвы стальная нарезка.
Железо тоже нежно:
От ласки пальцев
На шлифованном до снежности
Румянцем проступает ржавость.
Мимоза, возлюбленная
Юности робкой,
Как сладко—счастья плеснуть!
Золотые косы
Из форсунковой топки
На голую мою грудь.
Первый раз, когда заводские грозы

Избили меня черными бивнями,
В искровом ливне,
Захлебываясь железным пением,
Я сказал:—Пылающий горн
Это—куст мимозы
В цветении.
Мимозовый куст—
Костер золотого пламени,
Солнечный сгусток
На южном камне,
В Париже
Бронзовом от загара,
Когда зной на бульварах тени лижет—
Продают мимозу
Тачками и возами.
Рабочие в мансарды несут
Огненные охапки за два су.
От дыхания
Лепестков пряных
Сладостное опьянение и отдых.
А здесь в северном пламени,
Когда земля гудит,
И от тысяч ног топот и хруст,
Вспыхивает в каждой груди
Мимозы солнечный куст.
А у нас в Провансе

Цветет миндаль
Под зонтичными соснами,
Синий Мистраль
Целует вздрагивающие косы пиний.
У нас каждую весну
Поток мимозы солнцепенной
Пламенной волною всплеснут
На фабричную стену.
А вверху, где звездные лозы
Цветений вечных,
Может быть, солнце—куст мимозы
В полях голубых и млечных.

НЕГАСИМАЯ СИЛА.

НЕГАСИМАЯ СИЛА.

Властной силой весенней
Я распластан
На синих майских льдинах.
К ледовитым плитам,
В девственные залежи блистания
Лучами пригвожден
И капельными иглами.
Нежмися
Я и она—
Возлюбленная моя—весна.
Кандалы сбиты,
Синеют глыбы стальных звеньев.
Плачут и тают.
Пением весенним,
Стаями лебедиными
Ночи-налиты
И светлую кровью меж зорь.
Далеко, далеко—о где-то молятся.

Далеко — о кого-то режут
И в боях воют...
А я пробужден,
Лежу и грежу
На магнитном поле.
За полярным кругом
У полюса.
Сладкое сиянье
Пыльцой приникло —
И целуем первым
К телу без блузы.
Втекает в кровь мою
И моревую.
Нервы обнажены.
Зори и птицы
Мерными взмахами крыльев
Вскрыли вены мои.
Хмелеющим телом,
Электрожилами
И глазами
Я всасываю свет —
Золотое вино.
Солнце негасимое
Золотыми цистернами
Вливает лучи в меня.
Радость и боль — нелучимые.

Свет сплелся с кровью,
Снялся стучит,
Все резче течет,
Хлещет из меня ручьями,
Потоками,
С веселым пением.
Облил скудные мхи
И рога оленьи,
Просквозил синие плиты
Ледовитого,
Пророс медной пряжей
В глубины поемные.
Ток брызжет по красным жилам.
Лучи пульсируют
В голубой крови неба.
Симфонии и поэмы.
— Мне больно солнце,
Милое солнце, довольно!
Я весь через край
Перелит сверканьем.
Свет через поры ключами
Свищет из меня,
Мои мозги—соты
Перелитые мёдом звёздных пчёл,
Я насыщен лучами и заряжен
Негасимой силой.

Летом так случилось:
Это солнечное пенье,
Величественные всполохи и лучи.
Все это светлое кипенье
Световой лихорадки
Начало выливаться
В сёла и города.
Блистал
За валом
Вал.
Электропламень
В миллионной груди влокотал.
Тёк
Ток
По нервам-проводам.
Воля,
Родная!
Таинство светлого величия.
Под нами кроваво расцвёт
Камень и кирпич,
А осенью...

Осень, осень—
Золотое брожение
Северного света.
Далеко на полюсе

Безмерно рождалась
Полярная ночь.
В свисте и пении
Серебрянных вьюг
Наступала черной стеной.
Золотое кипение
Отступало на юг.
Катилось вз'ерошенное море
Безбрежной лавы,
Пламени и кумача,
Стекало с полюса снежного.
На тысячах аэро
С червонными крыльями,
К перу перо,
Парусами вётел, берёз и знамёнами
Я плыл и летел,
Скатывался потоком многоглавым
Врезались и висли
Борта моих дум,
Мои электромысли
В небесное синее.
Вскипало тысячи вёсен—
Плесканье улыбок,
Лепестков пенных,
Пенья пропеллеров
В вихре огня и алюминия.

Сочились стволы осен
Янтарным потом знойного солнца—
Медовые соты от земли в высоту.
Мужичьи мускулы набухли,
Истекали силой.
Воля.
Воля!
Каждая былинка лучилась,
Сверкала медью,
Вздрагивала и сочилась электронами,
Деревья, люди и всё сущее
Заряжены током,
Насыщены до краев
Миллионами вольт.
Каждая стая,
Каждая птица
Железная и простая
Уносила на юг всплески света,
Космы блистаний
Негасимого северного лета,
Проливала в поля и перелески.
Моря хлебных полос
Все лето выпивали
Моряны сверкания.
Каждый колос—кипящий пламень.
Взлёты рук подрезали

И скрутили в снопы—
Грузные солнечные узлы
Проводов красной меди.
И вот горят скирды и ометы
Электрическими кострами.
А тут-же
В заржавленных лужах
Пышное, торжественное умирание,
Тление отжившего.
Расцветало и тухло сияние.
Но было и нежное
Счастье,
Ему нет имени.
Золотое доение.
Кусты—солнечным молоком
Набухшее вямя.
Просачиваются красные сосцы.
Осень незримыми руками
Доит золотые струйки—
В земляные вёдра—
Силу, запахи солнца и мёда.

И вот
В величественном Октябре
Всё это светлое кипенье,
Электрическое наводнение

Вылилось в сёла и города,
Упало в толпы.
Знаменное плескание
Взбурлило солнцем,
Перелилось через головы.
Вспыхнули радиом
Синие глаза свинца и олова.
Радыжданному,
Рады родимому.
Плечо к плечу
Об землю груз.
Раз, два,
Два, раз!
От блуз и глаз
Ключом течёт
Свобода-а.
Верим,
Верим!
Двери завода распахни
И тусклые окна настезь!
Слышишь?
Мятежное солнце пролилось,
Просквозило стеклянные крыши,
Самолеты блистаний
Пролетели сквозь стены
Нечислимой стаей.

Робкий,
Довольно гнуться в рога бараньи,
Гляди ты—в урагане стораний!
Захлопни котельную топку
Своих страданий.
Солнце водопадит в трубу,
Накалило сталь голубую
Станков, блуз, глаз.
Слава,
Слава!
Мускулы и электрожилы
На точке расплава.
Горит,
Горят!
Тише!
Слышишь, о ком говорят
Машины железным языком?
Были холопами всю жизнь,
Черную и трудную.
Ах, не захлопывай клетку грудную!
Верь утром
В новое утро,
Больше веры упорной.
Вольфрамковые нервы и сердце
Кипят электрогорном.
Ах, как накалил то лето

Ультрафиолетовый свет
С млечного пути пролитый.
Может быть
В земную орбиту неистово
Вкружилась невидимая комета
Чистого радия.
Или Герцевские волны с Марса?
Зычно гудит в груди,—
Радыжданному,
Умереть ради родимого.
В каждой улице,
В черепе каменном и обычном
Бродил радий.
А лица городов в радугах.

Колышутся пламенем мозги мои.
Любовь и
Воля—
Золотые розги вонзила в тело
Моя любимая.
Я всколосился,
А ты неумолимо выжала
Зерно железною рукой
И мимо, мимо солнцерыжая
Электрической рекой.
Вон вижу я.

Над меридианами
Стасей небылинной—
Цепчелины.
И дрожанье радио:
— Прильни на землю сокровенную
Услышишь близкое биенье.
А солнцепенная,
Зарёй рождённая Диана
Скользнула золотою тенью.
Люби железное динамо
В электрических цветах!
Не то, не та,
Иной любимой она сестра.
Горит полярное сиянье—
Ее лицо.
В одеждах пламени и дыма
Бурно-снежного костра,
Цветущая холодным светом
Идет на первое свиданье
Зима.
Внимает мне почная дозна—
Огненная молитва грядущему
С тысячами пламенных рук
Устремленных в вечность.
Молится почва.
Как быть одной?

Воля!
Родной!
Из синих глаз твоих
Льётся свет зимний,
Клокочет под снегом
Как голубой родник.
Так бьётся солнце
Закованное в синие льды,
В снежную сталь и алюминий.
Не мучай стоном
Метели цепкой и звонкой,
Я не боюсь.
В электрической веревке
Ловко скручены страстью крепкой
Минус и плюс,
За тонкой плёнкой,
Порвать—касание
И огненный фырк.
Нет покоя—
Волны света и зноя
Кипят от внутреннего сгорания.
Сдержи дыхание пыльное,
Милый я с вами,
Мы вместе.
С нечеловеческою болью
И радостью

Брызнет другая весна.
Вести—
Под снежной солью
Бьются электроны жизни
И солнечные жилки
Негасимой силы рвутся цвести.
Милый—
Любовь и страдание,
В снежных рыданиях
Мне не сдержать,
Мне не вместить!
Рады умереть ради родимого.
А в сердце—
Сквозь зимнюю стужу—
Дрожь—
От солнца радио-вести.

СОДЕРЖАНИЕ.

	<i>Стр.</i>
Таинство посева	9
Таинство труда	17
Из поэмы «Сила».	23
Степные диссонансы	43
Станок	47
Песня утренних зорь	55
Черная пена	61
Чилига	69
Чучело.	75
Голод	83
Железный хлеб.	88
Погост	90
Мимоза	92
Негасимая сила	97

КНИГИ МИХАИЛА ГЕРАСИМОВА.

Вешние зовы. Изд. Парус, Пгд.
1917.

Монна Лиза. Изд. Московского
Пролеткульта. 1918.

Завод весенний. Изд. Москов-
ского Пролеткульта. 1919.

Цветы под огнем. Изд. Мо-
сковск. Пролеткульта. 1919.

Железные цветы. Самара 1919.

4 поэмы. Изд. Петрогр. Пролет.
1921.

Электрификация. Гиз. Пгд.
1921.

Черная пена. Москва. 1921.
Кузница.

Чучело. Москва. 1921. Кузница.

Негасимая Сила. Москва. 1922.
Кузница.

Монна Liza. Esperanto. 1921.

Печатается:

Итальянская поэма. Москва. Пролет-
культ. 1922 г.
